

Глава 1

ПУТИ И СПОСОБЫ ТРАНСЛЯЦИИ ИДЕЙ ЖАНА БОДЕНА В АНГЛИИ XVII в.

Процесс формирования национальных государств в Европе в раннее Новое время повсеместно сопровождался (пере)осмыслением большого количества правовых, исторических, литературных нарративов и, как следствие, появлением не меньшего корпуса политических текстов, развивавших уже устоявшиеся мифы о власти и государстве. Возникшие политические и правовые ценности наполняли новым смысловым содержанием средневековые структуры и определения, не вытесняя их полностью. Решение конкретных политических задач влекло за собой затягивающиеся дискуссии о прерогативах королевской власти, ее лимитах и механизмах регулирования.

Яркие личности, внесшие свой вклад в развитие разных сфер общества, являются зеркалами своих эпох, а их деятельность, как правило, продиктована желанием преобразовать имеющуюся действительность и разрешить проблемные ситуации. Таким зеркалом выступает и трактат Жана Бодена «Шесть книг о республике», появившийся в условиях институционального кризиса французской монархии, когда представления о необходимости централизации власти при королевском дворе вступили в противоречие с реальными властными полномочиями Генриха III, действия которого стали восприниматься дворянством как форма королевской тирании¹.

В 1581 г. Жан Боден был в свите герцога Анжуйского, прибывшего к английскому двору, чтобы возобновить тянувшиеся с 1571 г. переговоры о возможности заключения брака между французским принцем и королевой Елизаветой I². В предисловии

к латинскому переводу Боден пишет, что во время своего путешествия в Англию в Лондоне и Кембридже он увидел «довольно скверный перевод» своего труда «Шесть книг о республике» на латинский язык, поэтому стал работать над переводом сам³. Сохранился ли перевод, о котором говорит Боден, и выходил ли он за пределы Кембриджского университета, неизвестно. В подтверждение у нас есть только заметка поэта Гэбриэла Харви в опубликованных черновиках его переписки, относящаяся к 1579 г., о том, что «„Республика“ Бодена была в моде в Кембридже»⁴.

Зато на титульном листе латинского издания мы находим надпись, подтверждающую важность поездки Бодена в Англию для перевода трактата: «С привилегиями королевского Величества и самого христианнейшего монарха, светлейшей королевы Англии»⁵. Правда, личная встреча Жана Бодена с королевой Елизаветой была весьма курьезной. Елизавета I назвала французского философа «лжецом и дураком» в ответ на его обращение к ней и выражение надежды на ее скорейшее вступление в брак⁶.

О широкой известности Бодена в Англии уже в начале XVII в. говорит упоминание его имени в сатирической комедии Бена Джонсона «Вольпоне», опубликованной в 1607 г. Имя Бодена произносит сэр Политик, который учит путешествующего джентльмена Перегрина, как вести себя в Венеции, в которую он прибыл: «Для вас всего важнее — так скажите — страны законы, с вас и их довольно; Макиавелли и мосье Боден считали так же»⁷.

Политический и интеллектуальный контекст появления «Шести книг о республике» в Англии

Не погружаясь в политические перипетии эпохи, которые уже были предметом огромного количества исследований, необходимо кратко охарактеризовать политическую и интеллектуальную обстановку в Англии на рубеже XVI—XVII вв., чтобы понять, зачем английские авторы актуализировали в своих текстах идеи французского юриста Жана Бодена, несмотря на

стремление продемонстрировать специфику и оригинальность английского права.

Стоит сказать о некоторых политических дискуссиях, которые велись в английском обществе конца XVI — начала XVII в., чтобы понять, насколько идеи Бодена были в них применимы. Сравнение политических практик Англии и Франции появлялось в политико-правовых сочинениях задолго до рассматриваемого периода. Например, сравнению «правильной» Англии и «плохой» Франции уделено особое внимание в трактатах главного судьи Англии сэра Джона Фортескью⁸. Он доказывал преимущества английской политико-юридической системы перед любой другой, в том числе французской: «Существует два типа королевств, из которых одно представляет собой власть, названную позднее *dominium regale*, и другое — власть, названную *dominium politicum et regale*. И они различаются тем, что в первом — король может управлять своим народом посредством таких законов, которые он издает самолично. <...> Во втором — король не может управлять своим народом посредством иных законов, нежели таких, которые народ одобрил». По его мнению, французский король управляет своими подданными как *dominio regali*⁹. Так, уже в XV в. главный вопрос заключался в определении принадлежности законодательной инициативы.

В кругах более практико-ориентированных преобладали схожие установки. О. В. Дмитриева отмечает, что «начиная с 1570-х гг. противостояние Англии как избранного „народа Израилева“ странам, чуждым истинной вере, все чаще встречалось в парламентских речах». В частности, по отношению к Франции официальная риторика становилась все более воинственной¹⁰. Ральф Сэдлер, член Тайного совета при Елизавете I, обращаясь к парламентариям, утверждал, что Англия была исключением среди европейских государств, «покоясь в мире благодаря мудрому управлению своей государыни, пока все ее соседи пребывали в состоянии смуты и войны — дома их были охвачены огнем»¹¹. Таким образом, посредством распространения этой идеи в сознании многих англичан утверждалась мысль о национальном превосходстве над французами, страдающими в XVI в. от Религиозных войн.

По сложившейся историографической традиции позднетюдоровская и раннестюартовская эпоха трактуется как время разработки английскими теоретиками новых аспектов в концепции государства и монархической власти¹². Во-первых, можно наблюдать поэтапную институализацию особых интеллектуальных групп — антиквариетов, юристов, богословов, пытавшихся преобразовать систему символов, с помощью которой происходила репрезентация верховной власти. Во-вторых, традиционные, устоявшиеся границы юрисдикции между судами гражданского и общего права были оспорены. По мере своего разрастания конфликт между двумя корпорациями приобрел публичное измерение, затронув вопросы об основаниях и пределах власти английского монарха¹³.

Вопрос о том, как должен править монарх и каковы границы его власти или прерогативы, был актуален для многих персональных монархий Европы раннего Нового времени. Применительно к истории Англии королевские прерогативы перечислялись во многих трактатах с чрезвычайной скрупулезностью.

В правление Эдуарда I (1272—1307) появилось сочинение «О королевской прерогативе», которое в 1324 г. обрело значение статута. Это была своего рода инструкция, в которой король сообщал своим вассалам о правах, вытекающих из его статуса монарха, а не только верховного сеньора. Права и привилегии короля, изложенные в указанном статуте, сохраняли свое практическое значение вплоть до революционных событий середины XVII в. В 1567 г. на основании этого статута был напечатан трактат У. Стэнфорда «Описание королевской прерогативы», который стал использоваться в качестве учебника в судебных подворьях. Таким образом, понятие «королевская прерогатива» было наполнено вполне реальным историческим и юридическим содержанием. Эдвард Кок подчеркивал, что этот термин охватывает полномочия, которые закон дает короне¹⁴. Таким образом, под прерогативой, как правило, понимали особое преимущество короля перед всеми остальными, но вытекающее из общего права.

Существовали традиционные способы формирования образа монарха — коронация, церемонии, королевские выезды, а официальная риторика монархии предполагала формулы нор-

мативной сакрализации. В политической лексике использовался ряд метафор, призванных легитимировать королевские prerogatives. Одной из самых ярких была метафора «цветы короны», которая представляется тесно связанной с теорией божественного права королей, поскольку в ней присутствует оттенок «неотделимости» prerogatives от короны, подобно тому как диадема потеряла бы свою ценность без украшающих ее драгоценных камней¹⁵. Это словосочетание встречается в различных документах.

В стремлении усилить христианское представление о божественном происхождении королевской власти наиболее очевидно проявляется первое сходство английской политической риторики с французской. Французские правоведы не уступали английским в старании доказать исключительность своего монарха и его наделенность особой Божьей милостью¹⁶. Монархическая идея постепенно институализируется, перестает соединяться с личностью конкретного государя. Это находит отражение в статусе наихристианнейшего короля (*Rex Christianissimus*)¹⁷, в сакральном характере функций королевской особы¹⁸. Во Франции по отношению к королю все чаще начинают использовать термин «суверен»¹⁹.

Эта риторика была призвана создать образ продолжающейся империи внутри королевств и за их пределами. Ф. Йейтс, сравнивая имперские проявления в Англии и Франции, отмечает наличие между ними «многих существенных параллелей, главным образом их стремление к независимости от папства, которое во Франции хотя и не дошло, как в Англии, до полного размежевания с ним, временами подходило очень близко к разрыву и к англиканской позиции»²⁰. В этой связи Н. Хеншелл даже называет Тюдоров и их наследников «самыми абсолютными монархами в Европе, заменившими королевским гербом крест на церковных алтарях»²¹. Символизм имперскости был тесно переплетен и с идеей возвращения золотого века, которое в Англии связывали с правлением Елизаветы I, во Франции — с утверждением новой династии Бурбонов и прекращением религиозной вражды²².

Жан Боден как раз является важным представителем этого направления французской политической мысли, а в трактате

«Шесть книг о республике» нашлось место для имперских притязаний Французского королевства, которые с течением времени будут только возрастать, а также стремления создать универсальную политическую и правовую систему, парадоксально учитывающую историческое своеобразие государств²³. Эта линия была интересна тем англичанам, которые смотрели в сторону увеличения королевских прерогатив и уменьшения парламентских привилегий.

При этом долгое время в историографии защита Боденом абсолютного, ничем не ограниченного суверенитета преувеличивалась. Со второй половины XX в. исследователи все чаще стали обращать внимание и на ограничения, присутствующие в теории Бодена: обязанность подчиняться законам Бога и природы, запрет нарушать фундаментальные законы королевства — Салический закон и закон, исключающий отчуждение королевского домена, а также акцент на том, что подданные не имеют права сопротивления *законному* правителю²⁴.

Указанных Боденом ограничений было недостаточно для сторонников другой теории — о договорном происхождении государства и королевской власти. Спикеры палаты общин демонстрировали приверженность традиционным ценностям, языку «общественного блага» и «смешанного правления»²⁵. В Англии идея договора между государем и подданными выводилась из коронационной клятвы. Текст любой клятвы включал в себя обещание защищать церковь и ее привилегии, отправлять правосудие, быть справедливым и беречь мир в стране²⁶. Если же правитель нарушает данную им клятву, он впадает в тиранию, и подданные могут отказаться от своей присяги на верность и выступить против него. Во Франции Франсуа Отман также стремился найти свои аргументы в прошлом, утверждая, что франки и галлы были исконными носителями вольного духа²⁷. Многочисленные свидетельства из ранней истории Франции в его «Франкогаллии» служат доказательством того, что политическая власть во Франции должна принадлежать Генеральным штатам — представительному органу, который многие английские авторы рассматривали как эквивалент английского парламента, что, естественно, не соответствовало реальному положению дел²⁸. По словам французского историка

Габриэля Аното, «история Генеральных штатов была лишь рядом резких порывов и глубоких падений»²⁹.

Еще одним болезненным политическим вопросом в Англии и Франции была проблема династического кризиса и престолонаследия. При королевских дворах всегда шло соперничество между политическими группировками, но в рассматриваемый период ситуацию осложняло религиозное разделение и нежелание подданных видеть на престоле государя «чуждой» веры. Смешение задач религии и политики происходило постоянно, а соединение религиозных и политических обвинений стало традиционным приемом полемического противостояния в раннее Новое время.

Во Франции вопрос о наследнике обострился в 1584 г., когда смерть герцога Анжуйского и бездетность Генриха III привели к тому, что наследником французского престола стал отлученный папой римским от церкви глава гугенотов. Кризис королевской власти, характеризующийся наличием нескольких «политических центров, присваивающих себе суверенные права», и «утратой конфессионального единства», продолжился проблемой престолонаследия³⁰. После убийства Генриха III в 1589 г. подданные-католики отказались признать протестанта Генриха Наваррского своим королем. Началась война между Генрихом IV и Католической лигой. Было очевидно, что, с одной стороны, Франция устала от кровопролития, но, с другой стороны, монарх-протестант по-прежнему не являлся в глазах французских подданных достойным претендентом на корону. В период этой борьбы шли заседания Генеральных штатов, на которых обсуждался вопрос о престолонаследии. В итоге Генрих IV, уже во второй раз, принял католичество.

Эта сложная проблема не могла не найти отражения в политических сочинениях. У Жана Бодена она решается через опору на уже упомянутый Салический закон, который с XIV в. во Франции воспринимался как закон о престолонаследии³¹. В Англии вопрос, кому должен перейти трон после смерти Елизаветы I, оставался открытым на протяжении всего ее царствования. Эта тема была настолько острой, что 9 ноября 1566 г. Елизавета I даже запретила парламенту обсуждать вопрос о

престолонаследии³². Однако объявленный запрет не решал проблему государственной стабильности, и поэтому в сочинениях английских католиков и протестантов этот сюжет появлялся с завидным постоянством.

Конечно, общие идеи английских и французских писателей были результатом использования общих источников, прежде всего сочинений античных авторов, перевод которых на национальные языки становится престижным и прибыльным занятием. М. С. Бобкова проводит анализ количества упоминаний античных авторов в сочинениях европейских континентальных мыслителей XVI в. С момента изобретения книгопечатания по 1700 г. в Западной Европе находилось в обращении более 2 500 000 экземпляров печатных изданий сочинений античных авторов. Из шестидесяти четырех авторов в числе наиболее популярных — Аристотель, Платон, Тацит, Плутарх, Цицерон, Полибий³³. Кроме того, качество и количество изданий античных авторов в XVI в. было превзойдено только в XIX в.³⁴

Те же авторы являются и наиболее авторитетными в английской традиции XVI в. О. В. Дмитриева называет Аристотеля, Платона, Цицерона авторами, занимающими главное место в парламентском «индексе цитирования». Их дополняют Вергилий, Овидий, Ювенал, Гомер, Плутарх, Теренций, Плавт, Гораций, Сенека³⁵. Что касается отношения к текстам классических авторов, то трудно избавиться от ощущения, что мы имеем дело с почти схоластическим отношением к авторитету, так как само по себе наличие цитаты из классика считалось достаточным аргументом в споре: «...депутаты активно украшали свою речь примерами и сентенциями, извлеченными из записных книжек с „общими местами“»³⁶.

Университетская система образования, в свою очередь, формировала единую научную картину мира через метафору Универсума, которая была основана на законе неоплатонической аналогии макро- и микрокосма: божественное — небесные тела — государство — тело. Философы были одержимы идеей создания платоновского государства — перемещения заложенного во Вселенной идеального порядка в человеческий мир³⁷. Политики, в свой черед, ставили себе задачей воплощение этой идеи на практике. Й. Соммервиль отмечает, что многие авторы

считали понятия божественной, королевской и отцовской власти не просто подобными, а идентичными³⁸.

Политическая терминология и метафоры, используемые внутри европейского интеллектуального сообщества, были одинаковыми. Например, английский анатом Уильям Харви (1578—1657) пишет³⁹: «Сердце есть основа жизни и солнце микрокосма, подобно тому как Солнце можно назвать сердцем мира. В зависимости от деятельности сердца кровь двигается, оживляется, противостоит гниению и ступлению». Харви подчеркивает естественный характер иерархии: «Сердце, как глава государства, имеет верховную власть и всюду господствует. Привилегированное положение сердца связано с тем, что оно работает на благо всего организма. Ослабление сил в центральном очаге быстро порождает в членах и в теле различные неизлечимые болезни»⁴⁰.

В качестве еще одного яркого примера можно привести иллюстрацию к трактату Джона Кейса «Sphaera civitatis» (рис. 1).

Рис. 1. Титульная страница трактата Джона Кейса «Sphaera civitatis» (1588)